

Лу Сюэхань не дал ему сказать ни слова, продолжая:

— В тот день, когда господин Нин привёз тебя обратно, ты пролежал без сознания двое суток. Раньше, будь то простуда, жар или усталость, я мог помочь тебе справиться. Но в тот момент, когда я осознал, что мои скромные медицинские познания не позволяют определить, какой именно яд был использован против тебя, я почувствовал свою беспомощность.

Лу Сюэхань редко говорил так много за короткое время. Он сделал паузу, отвернулся и сказал:

— Я сожалею.

Когда человек чувствует себя бессильным, он часто испытывает сожаление. Лу Сюэхань замолчал, и Лу Сяо мысленно досказал за него то, что осталось недосказанным. Сожаление о том, что он вынужден был в столь молодом возрасте столкнуться с дворцовыми интригами, сожаление о том, что мог бы спокойно прожить жизнь в Юньчжоу, сожаление о том, что, зная, что ему придётся столкнуться со всем этим, он всё равно не позволил бы ему провести жизнь в неизвестности в том маленьком городке.

И всё это сожаление можно было заменить одним словом — боль.

Произнести слово «сожаление» было пределом для Лу Сюэханя. Лу Сяо никогда не видел его настолько откровенным, и его сердце сжалось от муки. Он тут же захотел пересмотреть своё решение.

За дверью слышались шаги, и Лу Сюэхань вдруг поднял голову, слегка повысив голос:

— Сяо, я говорю это не для того, чтобы заставить тебя принять какое-то решение. Тебе не нужно сразу что-то говорить. Уезжать из Чанъаня или остаться здесь — решать тебе.

Он повернулся и ушёл. Лу Сяо застыл, опёршись на кровать, и встретился взглядом с растерянным Нин Хуаем.

Нин Хуай, войдя, услышал лишь слова Лу Сюэханя об отъезде из Чанъаня и глупо спросил:

— А Сяо, я только что услышал, как старший брат Лу говорит об отъезде из Чанъаня. Куда вы собираетесь?

Лу Сяо закрыл глаза и тихо сказал:

— Сяо Хуай, возможно, я подам заявление на перевод и уеду из Чанъаня служить в другом месте.

Нин Хуай всё ещё не понимал и машинально спросил:

— Почему?

Он сбросил обувь и носки, сел на кровать и, как обычно, прижался к Лу Сяо. Лу Сяо молчал, и вдруг Нин Хуай, кажется, наконец понял, ошеломлённо произнес:

— Ты говоришь, что собираешься уехать из Чанъани и служить в другом месте?

Лу Сяо устало кивнул, а затем спокойно объяснил Нин Хуаю причины. Тот не мог понять:

— Но тебя же восстановили в должности? Разве это не уже в прошлом?

— Мой брат беспокоится... что подобное может повториться.

— Кто может быть уверен, что произойдёт в будущем? — серьёзно сказал Нин Хуай. — Это беспочвенные опасения!

Лу Сяо горько улыбнулся:

— Я понимаю, но...

Нин Хуай прямо сказал:

— Разве, уехав в какой-то неизвестный уезд, ты избежишь интриг?

Чем наивнее человек в обычной жизни, тем острее его слова в серьёзных вопросах.

— Ты прав.

Нин Хуай с грустью посмотрел на него, помолчал и тихо произнёс:

— А Сяо, ты негодяй, не смей бросать меня одного в Чанъане.

— Боже, с чего это я негодяй? Нельзя так говорить, — Лу Сяо рассмеялся, утешая его. — Я ещё не принял решение, может, и останусь.

— Может, может! Значит, скорее всего, уедешь, ты негодяй! — Нин Хуай, мастерски умеющий капризничать, обычно не добивался успеха с таким ветреным человеком, как Лу Сяо, но сегодня он снова попробовал.

Нин Хуай перевернулся, повернувшись спиной к Лу Сяо, и со слезами на глазах жаловался:

— Если ты уедешь сегодня, то завтра уже забудешь обо мне.

Лу Сяо, не успев разобраться в своих делах, вынужден был отложить их в сторону и утешать этого плачущего человека. Ему, конечно, было жаль расставаться. Чанъань был оживлённым и прекрасным местом, здесь было всё, что он знал, и его лучший друг.

Нин Хуай не хотел, чтобы он уезжал, и как он мог решиться на это?

Дружба на расстоянии — это высшая степень близости. Нин Хуай был ребёнком и не мог достичь такого уровня, услышав о том, что друг уезжает, он лишь хотел удержать его за руку. Лу Сяо был обычным человеком, влюблённым в мирские радости, и хотел видеть родных и друзей как можно чаще. Кто хочет странствовать по свету, пусть странствует сам.

Провозившись в доме Лу несколько часов, Нин Хуай наконец вытер слёзы и сел в карету. Перед отъездом он схватил Лу Сяо за рукав и пригрозил:

— Я буду приходить к тебе завтра, послезавтра, каждый день, и не дам тебе времени думать о переводе!

Лу Сяо кивнул:

— Хорошо, хорошо, ты можешь быть рядом со мной все двадцать четыре часа в сутки, только боюсь, что принц и государев князь придут в мой маленький двор требовать тебя обратно.

Нин Хуай надул губы, и, переступив порог Дома Нин, его лицо всё ещё было омрачено тревогой. Сяо Тан, которая должна была ждать его у дверей комнаты, почему-то вышла и отчаянно моргала ему. Нин Хуай удивился:

— Сяо Тан, у тебя песок в глазах?

Он беззаботно вошёл во внутренний двор, но вдруг услышал, как его отец сдерживая гнев кричит ему:

— Нин Хуай, иди сюда!

Государев князь Нин редко называл его полным именем, обычно обращаясь к нему как «второй сын» или «Сяо Хуай». Государева княгиня же ещё больше баловала его, и, даже когда ему исполнилось пятнадцать-шестнадцать лет, всё ещё называла его «душенька» или «малыш». Нин Хуай, уже расстроенный из-за дела Лу Сяо, совсем потерял хорошее настроение, а теперь был ещё более обижен.

Он не в первый раз уходил из дома, оставаясь ночевать у Лу, так почему же сегодня отец так разозлился и хотел его отчитать? Нин Хуай надул губы, обернулся, и его круглые глаза наполнились слезами. Но перед ним стоял не разгневанный отец, как он ожидал.

Се Шэньсин вытер слезу с его глаза и равнодушно сказал:

— Дядя, второй сын ещё маленький, не ругайте его.

— Да, да, ваше высочество, вы правы, — поспешно ответил государев князь Нин, а затем повернулся к ошеломлённому Нин Хуаю:

— Второй сын, его высочество ждал тебя весь день, иди скорее!

Се Шэньсин с трудом улыбнулся, его глаза были темны:

— Кто обидел моего двоюродного брата?

С тех пор как государева княгиня вышла замуж за государева князя Нина, она родила ему двух сыновей. Старший сын был примером для подражания среди сверстников, обладая как литературным, так и военным талантом, и, не достигнув тридцати лет, уже стал образцом для других. После этого детей у них не было, но через десять лет родился младший сын, красивый и милый, которого держали в доме. Самым большим сожалением государева князя Нина было то, что все его дочери были от наложниц, и он не мог устроить свадьбу с Се Шэньсином для укрепления родственных связей.

Но всё изменилось, когда второй принц взял его младшего сына в качестве спутника. Наставления государева князя Нина не прошли даром, и теперь стало ясно, что Се Шэньсин действительно питал некоторые чувства к этому наивному и глуповатому младшему сыну.

Се Шэньсин махнул рукой, отпустив слуг, и спокойно сел на резной деревянный стул, глядя на беспокойного Нин Хуая:

— Опять ходил к своему другу по фамилии Лу?

Нин Хуай кивнул, беспорядочно теребя рукав своей одежды, и, чтобы заполнить паузу, спросил:

— Ваше высочество, хотите чаю? В доме недавно привезли свежий весенний чай, не хотите попробовать?

В комнате воцарилась тишина, и Се Шэньсин улыбнулся:

— Почему ты не пришёл проводить меня?

— Ваше высочество, вы ведь уезжаете завтра, я думал пойти с отцом и старшим братом проводить вас завтра, — Нин Хуай не мог понять его намерений и решил сказать правду.

— Ты действительно так думаешь? — шутливо спросил Се Шэньсин. — Я думал, ты будешь радоваться три дня, что какое-то время не увидишь меня.

Нин Хуай пробормотал «нет», и его взгляд упал на пол, где внезапно появилась тень. Подняв голову, он встретился с тёмными глазами Се Шэньсина. Тот был намного выше его. Драгоценная наложница Нин была высокой для женщины, а её сыновья были ещё более рослыми и статными.

Нин Хуай, который спокойно сидел, был схвачен сильными руками и легко поднят Се

Шэньсином.

Нин Хуай любил такие близкие прикосновения. Обычно он держал Лу Сяо за запястье, опирался на его плечо или, как ребёнок, обнимал мать за талию.

Но это было совсем другое. Возможно, Се Шэньсин хотел, чтобы он умер в его объятиях.

Нин Хуай когда-то тоже любил этого красивого двоюродного брата. С какого момента он начал избегать его, даже сам не мог сказать.

Он закрыл глаза, позволив Се Шэньсину крепко обнять его. Тёплое дыхание сквозь одежду касалось сердца Се Шэньсина. Нин Хуай почувствовал туманную печаль в его голосе, услышав, как Се Шэньсин сказал:

— Сяо Хуай, все говорят, что когда я вернусь из Юньчжоу, стану наследником престола.

<http://bllate.org/book/15439/1369305>